

«Не надо говорить об исключительности России»

Новости Известия. — 2002. — 18 янв. — с 11
Интервью Владимира ПОЗНЕРА обозревателю «Новых Известий» Кириллу БЕЛЯНИНОВУ

— Владимир Владимирович, в последнее время все чаще говорят не только о том, что идет открытое наступление государства на независимые телерадиокомпании, но и о том еще, что эта борьба уже успела перейти в следующую фазу: закрыв все «неудобные» телеканалы, власть всерьез собирается уменьшить и их количество. В «Останкино», например, уже давно говорят о грядущем объединении первого и второго каналов в некоего государственного монстра...

— Это не совсем так. Во-первых, слухи о слиянии первой и второй кнопки появились очень давно: об этом говорили еще в ельцинские времена. Но я для этого не вижу абсолютно никаких оснований. А что касается усиления влияния государства, то это, безусловно, так. Но связано это прежде всего с общенациональными каналами, которых, строго говоря, не так уж и много, и все они в той или иной степени уже контролируются государством. ВГТРК изначально было государственной телерадиокомпанией, ОРТ перешло под государственный контроль после ухода Березовского, а хозяин нынешнего НТВ — «Газпром» так или иначе отчитывается перед государством. Из общегосударственных остался, и пока еще остается, только один канал, на который государство почти не влияет, — это ТВ-6.

Хотя и это это деление весьма условно. И назвать ТВ-6, как и РенТВ, общенациональным каналом я бы все же не рискнул.

— Вы имеете в виду количество зрителей канала?

— Конечно. Когда я говорю об общенациональном канале, я имею в виду компанию, сигнал которой можно принимать в любой точке страны, и программы которой могут смотреть хотя бы 75 процентов населения страны.

И еще: с моей точки зрения, в России вообще нет государственных каналов. Есть коммерческие телевизионные каналы, которые в той или иной степени контролируются государством. Причем власть обращает внимание на очень небольшую часть телевизионных программ.

— Вы считаете, что государству вполне достаточно контролировать только выпуски новостей?

— Всякая власть в любой стране мира стремится к тому, чтобы поставить информацию под контроль. Хотя бы потому, что именно информация влияет на общественное мнение, к которому власть совсем не безразлична. К тому же любая власть полагает, что она лучше понимает, что именно нужно стране и государству, и поэтому желает управлять распространением информации самостоятельно. Власть никогда не рассматривает СМИ, как самостоятельную силу. Для нее и газеты и телевидение — всего лишь средство доставки необходимой и всегда ограниченной информации обществу. Так всегда было, есть и будет, и конфликт первой и четвертой власти возник вовсе не вчера и отнюдь не в России.

Я не понимаю, когда говорят, что в России особое положение со средствами массовой информации и что сейчас между властью и прессой идет настоящая война. Ничего особого в нашем положении нет, просто в свое время никакой четвертой власти вообще не было, поэтому не было никаких конфликтов.

И к этому, на мой взгляд, надо относиться не эмоционально, а рационально, просто понимая, что это совершенно неизбежный процесс. И что на сегодняшний день сил больше у государства. В перспективе это соотношение, несомненно, будет меняться, и подобные конфликты будут развиваться точно так же, как они развивались во всех буржуазных странах: власть будет влиять на средства массовой информации не путем прямого давления, а опосредованно, через собственников СМИ. Самый яркий пример подобного подхода, пожалуй, США, где по существу все общенациональное телевидение принадлежит крупным корпорациям, не имеющим к телевидению абсолютно никакого отношения. Но благосостояние этих корпораций напрямую зависит от их взаимоотношений с властью. Вот и все. Государство, пусть более изящно, более утонченно, чем в России, но все же сохраняет максимально эффективные рычаги контроля в своих руках.

Пока у нас все не так, но все идет именно к этому. И когда такие гиганты, как «ЛУКОЙЛ», «Газпром» или РАО ЕЭС становятся мажоритарными владельцами акций разных телевизионных компаний, мы в конце концов просто наблюдаем точно такой же процесс, как в США, Германии или Франции. Мы вовсе не уникальны в этом плане, мы не единственные, мы просто повторяем тот путь, который уже прошли другие много лет назад.

Я не даю здесь характеристик, хороший это путь или плохой, но другого пути нам никто никогда не показывал.

— То есть вы считаете, что все, что происходит вокруг ТВ-6, например, это естественное развитие событий?

— К сожалению, да. Скажу больше: то, что произошло с ТВ-6, то, что раньше происходило с НТВ, — это довольно жестокий урок, тем не менее показывающий только одно: если вы, как средство массовой информации, стремитесь к независимости от власти, сделайте так, чтобы вы экономически были абсолютно и полностью защищены: платите налоги, будьте прозрачны, не сидите в долгах. Потому что в борьбе обязательно воспользуются вашей слабостью, а чтобы быть независимыми, нужна прежде всего экономическая самостоятельность. И когда Путин говорит о том, что СМИ необходимо экономически окрепнуть, он говорит абсолютно правильные вещи, как бы к этому ни относились.

Если бы в свое время НТВ не имело колоссального долга перед «Газпромом», если бы нынешнее ТВ-6 не унаследовало от предшественников целый набор экономических проблем, то и законным, юридическим путем к ним просто нельзя было бы подобраться. Именно юридическим, потому что как бы ни было против-

но все происходящее, но на сегодняшний день в российском государстве уже не просто берут и арестовывают как когда-то, а все-таки считают необходимым идти юридически-экономическим путем. А если там не за что зацепиться, то ничего и сделать нельзя. Это тоже довольно жестокий урок, но тем не менее урок.

Это ведь не имеет никакого отношения к свободе печати. Если мне кто-то скажет, что образцом свободы слова у нас являлось НТВ или ТВ-6, я просто скажу, что не надо принимать меня за идиота. Господин Гусинский использовал НТВ на полную катушку для достижения своих политических целей, и в этом участвовали все сотрудники канала. Более того, они позволяли называть себя оппозиционным каналом. Я всегда говорю, если кто-нибудь покажет мне хоть в одной стране мира существование хотя одного оппозиционного канала, я буду очень рад. Но пока сделать этого никто не может. Телевидение как таковое не может быть оппозиционным вообще, поскольку эфир просто не принадлежит какой-либо партии. Телевидение может быть только объективным или нет в своей информации.

То же самое произошло и с ТВ-6. Никто не имеет права говорить о том, что только у нас есть право на свободу слова. И личное владение кого-либо каким-либо каналом не есть гарантия свободы этого канала. Я могу вам привести множество случаев, и не только в нашей стране, когда хозяин как раз мешал тому, чтобы люди говорили то, что они считают правдой. Я вовсе не считаю, что если кто-нибудь владеет каналом — это лучше, чем если каналом владеет государство. В принципе нет. Но важно, чтобы было и то и другое. Важно, чтобы я мог получить весь спектр мнений. Мне важно знать, что думают по тому или иному поводу власть и люди, не зависящие от этой власти напрямую. Мне важно, чтобы я мог сравнивать.

Но по большому счету возможность сравнивать мнения в последнее время давало только ТВ-6.

— А вам не кажется, что и в случае с НТВ, и в ситуации с ТВ-6 государство борется вовсе не с позицией канала, а совсем наоборот, с совершенно конкретными людьми?

— Конечно. В обоих случаях это была борьба сначала с Гусинским, а затем с «наследством» Гусинского, но уже в лице Березовского, так сказать. Это очевидно, и тут даже говорить не о чем. Для многих вообще все, что звучало по этим каналам, так или иначе отождествлялось со взглядами и мнением исключительно этих отдельных людей. Поэтому я думаю, что последние события на ТВ-6, когда журналистский коллектив решил выйти из-под контроля одного хозяина, могут в корне изменить и это восприятие, и ситуацию вообще. Канал не будет больше отождествлять с конкретным человеком. Так что появляется надежда на то, что он сохранится.

— В последние два года у нас очень много говорят об «информационной политике» государства, «информационной безопасности». Но вместо этого власть борется с отдельными людьми, а реального воплощения этой самой «информационной политики» пока не видно...

— Я вообще не знаю, что такое государственная информационная политика. Расскажите мне, какая информационная политика в США? Я понимаю так, что власть, имея свой телевизионный канал, по этому каналу выдает свое толкование информации. И все. Здесь не важны ни рейтинги, ни количество зрителей, важно лишь озвучить определенную точку зрения.

А каналы, не существующие за счет бюджета, озабоченные зарабатыванием денег и рекламой, пытаются завоевать максимальное количество зрителей, в том числе и за счет информации, выдавая наиболее полную картину событий.

Американский канал «Фокс», например, принадлежащий господину Мэрдоку, очень похож на каналы Гусинского и Березовского тем, что там главенствующей является не наиболее полная картина событий, а точка зрения самого господина Мэрдока. Правда, если эта точка зрения будет сильно отличаться от точки зрения государства, я вас могу заверить, что «Фоксу» станет довольно тяжело жить в Америке.

А если говорить о том, какую информационную политику государства предпочитаю я сам, то, по-моему, чем ее меньше, тем лучше. Вообще не надо в это дело вмешиваться, надо только следить за тем, чтобы никто не мешал. Ведь если вдуматься в сам термин «информационная безопасность», то становится понятно, что защищать от информации — это просто глупость. Это, если угодно, такая возвращающаяся советская икота. Хотя люди у нас во власти от нее избавились едва ли наполовину, так что было бы странно, если бы в этой, очень деликатной сфере не возникало бы время от времени подобных инициатив. Прежнее отношение к информации, как к идеологическому оружию партии, не может просто так взять и исчезнуть.

К тому же у нас и телевидение, и газеты зачастую упражняются в том, чтобы побольше дерьма выплеснуть на людей, поиздеваться в заголовках и фотографиях, забывая о том, что и читателя, и зрителя нужно в первую очередь информировать, а вовсе не сообщать ему о том, какой ты сам ловкий и смелый. Но информация уже отходит на второй план, что, кстати, играет на руку тем самым сторонникам доктрины глобальной «информационной безопасности», давая повод лишний раз обвинить газеты и телевидение в некомпетентности и непрофессионализме.

— То есть вы согласны с довольно часто повторяющимся сейчас тезисом о том, что в последние годы то же телевидение «значительно погрупело»?

— Я уже много лет не устаю повторять одно и то же: коммерческое телевидение имеет главной целью зарабатывание денег. Зарабатывать оно может, только размещая рекламу. А количество рекламы зависит от рейтингов той или иной программы: чем больше людей смотрит, тем больше будут в конце концов заработки. Поэтому задача одна — привлечь как можно больше зрителей. Как это сделать? Нужно найти некий самый общий знаменатель. Если исходить из довольно циничной оценки, то можно сказать, что общий зрительский уровень довольно низок, что мы все падаем на «клубничку», то давайте дадим зрителям эту клубничку. Вот и все.

Это путь всего коммерческого телевидения во всем мире. Плохо то, что у нас нет настоящего общественного телевидения, которое не дает рекламы. Плохо, что у нас нет и государственного телевидения, которое тоже не нуждается в рекламе, существуя исключительно за счет бюджета. У нас нет ВВС, нет немецких общественных каналов, нет американского PBS. Именно поэтому появляются программы «Моя семья», «Большая стирка» или напумовшее «За стеклом». Все то, что проверено, развлекает, собирая приличную зрительскую аудиторию. Я уверен, что если можно было показать по телевидению настоящих гладиаторов на стадионе в «Лужниках», которые реально борются со львами, тиграми или просто убивают друг друга, то, уверен, рейтинги подобной программы были бы сумасшедшими.

И я не вижу ни одного канала, который сказал бы, хватит пошлятины, давайте показывать только высокое искусство. Коммерческим каналам нужны деньги, и поэтому наше телевидение будет развиваться точно так же, как телевидение любой страны мира. Без всяких отличий.